

**Әлжан Қ.Ұ.**  
**(Алматы, Қазақстан)**

## **СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Становление государственности Казахстана на всем протяжении краткой истории его суверенного развития проходит под воздействием процессов глобализации, влияющих так или иначе на все аспекты национально-государственного строительства.

Если попытаться хотя бы кратко, в общих чертах показать основные направления этого влияния, то можно отметить следующее:

1. Государственная политика в экономической и финансовой сфере столь очевидным образом ориентирована на адаптацию национальной экономики к требованиям глобального рынка и его основных игроков, что приведение каких-либо примеров в доказательство этого обстоятельства просто излишне.

2. Избрание модели демократического устройства социально-политической системы Казахстана также явным образом обусловлено требованиями скорейшей интеграции экономических и социально-политических структур и институтов страны в глобальное пространство. В своем Послании народу Казахстана, известном как Стратегия «Казахстан – 2030», касаясь выбора варианта политического устройства, Н.А. Назарбаев отмечает: «Мы активно пошли по англосаксонскому варианту, ставя перед собой цель – быстрые изменения» [1, с. 39]. И если на современном этапе развития Казахстана ставится проблема возможной смены ориентиров и моделей демократического государственного устройства, то, опять-таки, императивом этой смены является такая переориентация процессов социально-политической и экономической модернизации, которая связана «с конструктивной инициативой и реакцией на глобальные трансформации мира» [2, с. 229].

Своеобразным, пусть и не столь уж серьезным свидетельством интернациональности избранной Казахстаном модели государственно-политического устройства, может служить ее лингвистический срез: высший законодательный орган Казахстана – парламент (франц.) состоит из двух палат (рус.) – сената (лат.) и мажилиса (каз.).

3. Если касаться политики государства в области образования, науки и культуры, то здесь также неоспоримо присутствие векторов, направляемых глобальными тенденциями. Например, система начального, среднего и высшего образования страны, система подготовки и аттестации специалистов высшей квалификации все активнее адаптируется к международно-принятым требованиям и стандартам. Культурная, научная и образовательная политика государства во многом диктуется императивами вхождения Казахстана в глобальное информационно-коммуникативное пространство. Обучение английскому языку и компьютерной грамотности – непременным атрибутам присутствия в этом глобальном пространстве – является столь же важным (а с прагматически-утилитарной точки зрения даже более важным) направлением культурной политики, как и обучение национальному языку и воспитание в духе традиционных этнокультурных ценностей.

4. В обеспечении национальной безопасности, в борьбе с угрозами международного терроризма, политического и религиозно-политического экстремизма, в создании барьеров для наркотрафика, в военном строительстве и т.д. Казахстан опирается на целую систему региональных и глобальных договоров, союзов и прочие институты поддержания глобальной и региональной безопасности.

5. Конституция Казахстана и вся юридически-правовая система страны, этот важнейший элемент государственности, строятся в соответствии с международными нормами и документами. Причем, в соответствии с Конституцией, эти международные документы обладают приоритетом по отношению к национальным.

Таким образом, вместо вопроса о том, на какие именно стороны национально-государственного строительства Казахстана оказывают влияние процессы глобализации, следовало бы поставить вопрос: а на какие стороны они не оказывают влияния. Впрочем, сам автор доклада на этот вопрос смог найти только такой ответ: таких сторон просто не существует. Так что проблема заключается не в констатации факта и оценке степени влияния процессов глобализации на ход национально-государственного строительства, а в том, в какой мере и насколько успешно государственные структуры и институты обращают оказываемое на них влияние глобализационных процессов на решение задач экономического и социального развития страны.

Хотя национальное государство под воздействием процессов глобализации утрачивает ряд традиционных экономических, со-

циальных, арбитражных и т.д. функций, либо ограничивается в их исполнении, государство остается важнейшим, а по ряду позиций незаменимым социально-политическим институтом. В частности, «в подавляющем большинстве стран именно государство продолжает оставаться несущей конструкцией национальной идентичности» [3]. Н.А. Назарбаев в этой связи отмечает: «Идея государства как формы общности людей и фундамента нации, не только не скомпрометировала себя, но и показывает свою перспективную жизнеспособность» [4, с. 230]. В классических философских системах главная роль в государственно-правовой институционализации национального единства отводилась разуму как универсальному основанию всех форм – в том числе и политической – синтеза многообразия социального бытия. Современная (постмодернистская) философия выступает единым фронтом в борьбе с универалистскими представлениями о разуме. Но, даже принимая предпосылку классического проекта, опирающегося на представление о рациональности оснований, структур и функций государственности, нельзя не принимать во внимание того обстоятельства, что в концептуальную модель государства проникает двусмысленность, присущая понятию «нация».

Нация может быть понята как политическая ассоциация свободных, автономных, равноправных граждан, общность которых сформирована общим языком, культурой и местом обитания. Но нация может пониматься и как дополитическое, натуралистическое этническое единство. Этими различиями определяются различия исходных теоретических установок и понятийного аппарата анализа национально-государственных систем. Теоретические представления при интерпретации народа как демоса и как этноса формулируются, соответственно, в терминах доктрины прав человека и в терминах особенностей национального (этнического) самосознания. Граждански-политическая и этнонациональная модальности государственной идентичности определяют, понимается ли национально-государственная общность на основе рационального политического волеизъявления («общественного договора»), или на основе голоса «почвы и крови», т.е. единых предков, территории и исторической судьбы и т.д.

И тут возникает следующая проблема: если *естественный субстрат* национального самосознания и, соответственно, государственности как политической институционализации этноса, эмпирически очевиден – это индивиды, принадлежащие к единой

этнической группе (казахи, русские, немцы, англичане и т.п.), то что же может быть положено в основание проекта прав человека как основы государственности? Вся конструкция политически-правового обоснования легитимности государственной власти в эпоху глобализации упирается в принципиально неразрешимую проблему: концепция прав человека как кредо либерального проекта глобализации может иметь основанием только лишь понятия автономного индивида и «человечества» в целом, в то время как национальное самоопределение и его политическую институционализацию в форме национального государства совершает «народ» как совокупность этнических групп.

По всей видимости, нет оснований считать, что над этой фундаментальной проблемой и ее решением задумывались составители основных законодательных документов нашего государства. Скорее всего, они и не подозревали о существовании подобного рода проблем. Например, в первой Конституции РК Казахстан характеризовался как государство самоопределившейся казахской нации, т.е. была принята версия народа как этноса. В основу же второй Конституции Республики Казахстан имплицитно заложено понимание народа как демоса: «Мы, народ Казахстана...». Соответственно этому пониманию, доктрине прав человека в этой Конституции логически последовательно придан статус основополагающего принципа законодательства: «Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов» (Статья 12 п. 2). Но очевидно, что, *во-первых*, объявление каких-либо прав человека прирожденными, неотчуждаемыми и абсолютными имеет смысл только в рамках определенной концепции человека, представленной как о его «природе» и сущности, так и о природе и сущности социальных отношений.

Эту сторону проблемы мы здесь не имеем возможности рассмотреть сколько-нибудь подробно. Отметим лишь, что до сих пор ни одно из идеологических обоснований доктрины прав человека не дало сколько-нибудь убедительного опровержения выводов, сделанных К. Марксом относительно ее философской основы: «Ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т.е. как индивида, замкнувшегося в себе, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося

от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо – напротив, сама родовая жизнь, общество рассматриваются как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и эгоистической личности» [5, с. 401-402]. Напротив, именно такое просветительно-позитивистское понимание прав человека, только с инверсией ценностного вектора с негативно-критического на апологетический, разделяется всеми разновидностями экономико-политического либерализма.

*Во-вторых*, – и этому аспекты проблемы следует уделить глубокое внимание в разработке вопросов нашей темы, – такие атрибуты прав человека, как *абсолютность* и *неотчуждаемость* с логической неизбежностью влекут за собой признание их независимости от какой угодно специфики государственности и особенностей национального самосознания. Детище Великой французской буржуазной революции – Декларация прав человека и гражданина 1789 г., – особо оговаривала, что цель *любого* политического союза целиком и полностью сводится к защите прав человека. Таким образом, провозглашение абсолютных и неотчуждаемых прав человека в качестве основы государственности требует признания формально-юридического равенства всех индивидов как граждан государства. Права человека – «единственная область, определенно провозглашающая равенство всех перед законом без каких-либо отличий по полу, расе, цвету кожи, языку, религии, политическим убеждениям, социальному или национальному происхождению, принадлежности к национальному меньшинству, судьбе, месту рождения или любому другому признаку» (Всеобщая декларация прав человека, статья 14).

Но социальное неравенство шире правового. Обратной стороной универсализации прав человека становится ущемление прав локальных этнических культур, опирающихся на самобытные ценности и этические кодексы.

Исследователями выделяются несколько этапов развития, или поколений доктрины прав человека [6, с. 219-230]. Постепенно сложилось убеждение, что права индивида могут получить позитивную защиту в том случае, если законодательно защищены права соответствующих групп населения. Третье поколение концепций прав человека типологически характеризуется именно процессами ин-

ституционализации коллективных (групповых) прав. Коллективные права имеют целью законодательную защиту и поддержку тех индивидов (объединенных в группы различного рода меньшинств: расовых, этнических, языковых, религиозных, сексуальных и т.д.), которые по разным причинам ограничены в возможностях реализации общих для всех граждан страны прав и свобод.

Конституционная и судебная практика зарубежных стран сводит до минимума противостояние естественно-правовых и позитивистских подходов, идя по пути позитивного закрепления естественных прав и принципов. Такая позиция снимает незащищенность естественных прав вне государственного закрепления и отчужденность позитивистски интерпретируемого законодательства от социальных, нравственных, личностных ценностей. Признавая естественные права человека, законодатель стремится закрепить их в основных конституционных правах и свободах, обеспечив их системой законодательно регламентированных гарантий и механизмов защиты.

Иными словами, третье поколение прав человека стремится к объединению граждански-политической и групповой, в том числе этнонациональной, идентичности; интегрировать абстракцию автономной индивидуальности с абстракцией социально-ролевой, статусно-стратификационной определенности личности; совместить пространство универсальных норм государственно-правового поля с фрагментированным, сегментированным пространством социального поля.

Но здесь для нас представляет интерес не абстрактно-теоретическая форма разрешения обозначенных противоречий, а то, каким образом они разрешаются в реальном историческом процессе. Обратим внимание на такой факт: Декларация прав Вирджинии 1776 г. и Декларация независимости 1776 г., провозгласившие равенство, свободу и независимость всех граждан, были первыми государственными определениями прав человека. Идеи неотчуждаемых прав человека получили развитие в неоценимом по своей исторической значимости правовом акте – Декларации прав человека и гражданина 1789 г., явившейся детищем Великой французской буржуазной революции. Но все дело в том, что в ходе французской революции граждане боролись за свои свободы с *собственным правительством*, а в американской революции – с *колониальным режимом*. Таким образом, суверенитет народа в доктрине естественных прав изна-

начально определился как нечто, превосходящее, трансцендирующее национально-государственные рамки.

К сожалению, это обстоятельство сегодня предано забвению. *Государственный суверенитет* Казахстана, который стал по существу простым и практически не зависящим от воли политического руководства республики следствием решения о демонтаже СССР, как бы с этим обстоятельством ни спорили отечественные политики, не тождествен с *суверенитетом народа* Казахстана как единственного легитимного субъекта политической воли. Ни с собственным политическим режимом, ни с колониальным (имперским) владычеством казахстанцы не боролись, а распад Союза ССР до сих пор воспринимается большей частью населения, в том числе и представителями коренной национальности, как трагическая страница отечественной истории.

Как бы то ни было, не подлежащим сомнению фактом является то, что казахстанского демоса как народа, объединенного единой политической волей и едиными политическими ценностями, до сих пор не существует. Об этом свидетельствуют результаты многочисленных социологических исследований, направленных на выявление специфики идентификационных контекстов населения республики. Можно отчасти согласиться с суждением известного американского эксперта Марты Брилл Олкотт, что именно сохранившиеся элементы советской идентичности позволили избежать роста напряженности в межнациональной сфере жизни казахстанского общества [7, с. 254-255], да и, добавим, в социально-политической сфере в целом.

«Процесс формирования государства в Казахстане можно рассматривать как успех или неудачу в зависимости от применяемых критериев» [8, с. 246] . Как отмечает американский эксперт, Казахстан продвинулся дальше других постсоветских государств по пути приватизации, прежде всего в создании нормативно-правовой базы поддержки иностранных инвестиций. Таким образом, с точки зрения логики глобализма как процесса глобальной либерализации национальных экономик, открытия их для неограниченного доступа иностранных инвесторов, формирование государственности в Казахстане протекает в верном направлении и в целом весьма успешно. Но возможен и необходим и иной взгляд на процессы, вводящие национальную экономику Казахстана в глобальные финансово-экономические сети.

Процессы социально-политической трансформации Казахстана определяются интерференцией противоречивых оснований и детерминант, агрегированием разнонаправленных векторов и конфликтующих структур общественного целого. Социально-политическая сфера жизни общества стала качественно иной, в том числе по ряду параметров вполне соответствующей либерально-демократической модели цивилизационного развития. Н.А. Назарбаев пишет: «Основа нашей демократии – политическая, социальная и межнациональная стабильность. Мы не будем экспериментировать на собственном народе только ради того, чтобы нам аплодировали за демократический спринт другие» [9, с. 178]. Бесспорно, что «радикализм в трансформации институтов власти дестабилизирует общество и государственность, является таким вариантом политического развития, который приводит к гражданской войне» [10, с. 180]. Однако при этом также очевидно, что любая, в том числе и проводимая в целях демократизации общества реформа институтов политического управления и структур государственной власти, экономики и социальной сферы и т.д., есть, так или иначе, эксперимент, поставленный на народе. Ценой, уплаченной глобализму за достижение политической, социальной и межнациональной стабильности в нашей стране стало то, что и без того не близкую от оптимальной парадигму процессов социальной, экономической и политической модернизации казахстанского общества были интегрированы ряд оснований, несущих в себе деструктивный потенциал и социально-дискриминационный смысл.

Переход к рыночной экономике существенно изменил социальную структуру казахстанского общества. Традиционные социально-классовые группы подверглись количественному и качественному преобразованию, возникли новые социальные слои. Естественно, эти изменения не могли не сказаться на особенностях развития государственно-политической системы, призванной, в числе прочего, осуществлять контроль над взаимодействием социальных страт и способствовать его оптимизации. Между тем, очевидно, что высокий уровень экономического (материально-имущественного) неравенства является узловой проблемой эффективности государственного воздействия на процессы социальной стратификации.

В массовом сознании все еще имеются негативные оценки положения дел по ряду важнейших направлений экономического



и социально-политического развития страны. Нет особого смысла в составлении перечня негативных, социально деструктивных аспектов процесса становления государственности суверенного Казахстана. Они общеизвестны. Ряд из них можно отнести к объективно неизбежным издержкам той фазы развития общественного целого, на которой проводятся радикальные экономические, социальные, политические, культурные преобразования. Н.А. Назарбаев пишет: «Осуществление экономических реформ, распад СССР и вхождение казахстанской экономики в систему мировых экономических отношений объективно не могли не сказаться на существенном снижении объемов производства, и, как следствие, – ухудшении социальной ситуации» [11, с. 17]. Многие другие явились следствием просчетов, неадекватных мер и ошибочных решений, от которых не застрахована ни одна из национально-государственных систем политического управления.

Но нас в данном контексте интересовал вопрос, в какой мере как позитивные, так и негативные тенденции трансформации государственности суверенного Казахстана явились следствием влияния процессов глобализации. И что особенно сложно в теоретическом плане и особенно важно в практическом отношении – анализ возможностей и разработка моделей (стратегий, механизмов) противоборства разрушительным воздействиям и поддержки конструктивных, позитивных влияний мировых тенденций на процессы государственного строительства в республике.

Разумеется, эта задача в ее полном объеме не могла быть поставлена в рамках краткого доклада. Мы ограничились рассмотрением лишь некоторых аспектов государственного строительства в Казахстане в условиях глобализации.

### Примечания

1. Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 10 октября 1997 года // Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. – Алматы: Атамұра. 2003.

2. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамұра. 2003.

3. Шайхутдинов М. Глобализации и национальное государство: проблемы и противоречия // Казахстанская правда, 28.01.2005.

4. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамұра. 2003.

5. Маркс К. К еврейскому вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1.

6. См. напр.: Социальные знания и социальные изменения.– М.: ИФРАН, 2001.
7. Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. – М.: Гендальф, 2003.
8. Там же.
9. Назарбаев Н.А. На пороге XXI века. – Алматы: Онер, 1996.
10. Там же.
11. Казахстан: 1991-2002 годы. Информационно-аналитический сборник. – Алматы: ТОО «Интеллсервис», 2002.